

Илайас Грейд! — глубокий, серьезный и в то же время призрачный голос эхом пронесся в сознании Чжан Цзюньцэ.

Черт возьми! Кто это еще за ублюдок?

В полузабытьи Чжан Цзюньцэ машинально закрыл уши руками, свернулся калачиком и потянулся, чтобы натянуть одеяло на голову.

Хм? Что происходит?

Чжан Цзюньцэ шарил руками туда-сюда, но ничего не нащупал. К тому же в руках отозвалась резкая боль.

Куда делось одеяло? Чжан Цзюньцэ недоумевал. Затем он почувствовал, что подушка какая-то слишком твердая, и потрогал её. Черт, да эта подушка тверже кровати! Разве может подушка быть тверже, чем сама кровать?

Чжан Цзюньцэ попытался встать. Черт, неужели в дом забрались воры? Да что за наглые воры! Даже подушку с одеялом унесли?

Однако, когда он попробовал опереться на руки, в них пронзила такая нестерпимая боль, словно их только что колотили палками. Не выдержав, он тут же рухнул обратно.

Что за черт? Я же вроде ни с кем не дрался. Чжан Цзюньцэ с трудом разлепил веки, но всё перед глазами плыло, а в поле зрения пробивался какой-то кроваво-красный оттенок.

Лежа на месте, Чжан Цзюньцэ ощупал голову, и от этого движения по всему телу прошла волна невыносимой боли. А-а! Да что ж так больно-то!

Затем он вытер кровь с глаз, и зрение, кажется, прояснилось, хотя боль во всем теле никуда не делась.

Он растерянно огляделся: вокруг лишь клубящийся серый туман и бескрайняя тьма. Где это я? Сон? Почему всё так реально?

В тот момент, когда Чжан Цзюньцэ пребывал в полном замешательстве, вокруг вспыхнул ослепительно-желтый свет, заставивший его зажмуриться. Он снова окинул взглядом пространство. Черт! Слишком ярко, вообще ничего не видно.

А потом тот же голос снова раздался у него в ушах: Забудь прошлое.

Что? Забудь прошлое? Да пошел ты к черту! — мысленно выругался Чжан Цзюньцэ.

Затем голос повторил: Твое имя — Илайас Грейд.

??? — Чжан Цзюньцэ был совершенно сбит с толку, но уже в следующее мгновение всё понял.

Новые воспоминания, словно бурный поток, хлынули в его разум, вынуждая принять их как свои.

Илайас Грейд, гражданин Империи Сислия, город Вис, 23 года. Родные родители неизвестны, вырос в приюте. В пять лет его усыновил Килиан Грейд, священник Великого собора Сент-Лисвен. В 18 лет поступил в Университет Ситепуэр изучать историю и оккультизм, в 22 года успешно закончил обучение.

Поскольку Великий собор Сент-Лисвен, где служил Килиан Грейд, принадлежал Церкви Бога Вечного Сна, Килиан Грейд был набожным последователем этого бога, а вслед за ним и Илайас Грейд принял ту же веру.

Трагедия случилась, когда Илайасу было 22 года: сразу после окончания университета его приемный отец Килиан Грейд погиб в результате несчастного случая. Не в силах смириться с потерей, Илайас Грейд решил покончить с собой, приняв яд.

Как только все обстоятельства прояснились, боль в теле и желтый свет исчезли. Чжан Цзюньцэ окончательно переместился в тело Илайаса Грейда.

Вскоре он почувствовал, что его лицо влажное — видимо, он лежал на столе. В животе возникла острая резь, и он ощутил, как желудочный сок подступает к самому горлу. Его вот-вот должно было стошнить. Чжан Цзюньцэ всё чувствовал, но контроль над телом ещё не был полным.

Илайас Грейд? Ты еще не сдох? Давай, тебя сейчас вырвет, отдай мне контроль над телом!

Ответа не последовало.

Давай же! Быстрее! Ты сам себя отравил, так не давай мне проснуться в собственной рвоте, слышишь?

Снова тишина.

Черт, как же знакомо это чувство паралича. Ох, не могу больше! Сейчас вырвет!

Не в силах больше терпеть, Чжан Цзюньцэ понял, что его сейчас стошнит. В этот момент до него дошло: это состояние, когда не можешь пошевелиться, так похоже на сонный паралич.

Черт, да это и есть сонный паралич!

Ужас перед перспективой захлебнуться рвотными массами придал Чжан Цзюньцэ невероятных сил. В следующее мгновение он преодолел оцепенение и вернул себе контроль над телом.

Как только он смог двигаться, он быстро вскочил, нашел глазами дверь, вывалился из комнаты в гостиную и, спотыкаясь, по памяти добежал до уборной.

Едва переступив порог, он не смог больше сдерживать рвотные позывы и всё содержимое желудка вырвалось наружу.

— Фу! А-а! О-о! Черт, нет! О-о! Друг, приятель! О-о! Ну и силен же этот яд! Друг! О-о! — звуки рвоты эхом отдавались в уборной. Спустя пять минут Чжан Цзюньцэ наконец вышел оттуда.

Он подошел к раковине, помыл руки и умыл лицо. Прохладная вода смыла неприятные ощущения, и в голове немного прояснилось.

Это что, я попал в другой мир? Это же полный бред! Я просто лег спать, как можно попасть в другой мир во сне? И что это был за голос?

Чжан Цзюньцэ поднял голову и посмотрел в зеркало.

На него смотрел парень с черными как смоль волосами, довольно симпатичным лицом, ростом около метра восьмидесяти и крепким телосложением. Одет он был в одежду средневекового стиля.

— Илайас Грейд? — произнес Чжан Цзюньцэ, глядя на свое отражение. Голос тоже изменился. С этого момента он — Илайас Грейд.

— Ну и что ты, придурок, творил? На кой черт тебе это понадобилось? Из-за тебя я непонятно как оказался в твоём теле! Ну и ну, ты действительно заслужил свою смерть! — Чжан Цзюньцэ указал пальцем на Илайаса в зеркале и выругался.

Затем он вышел из уборной и осмотрел гостиную. На потолке висело несколько ярких ламп, у западной стены стоял длинный диван, перед ним — стеклянный стол. Восточная стена вела к уборной, там же стояли цветочные горшки и деревянный шкаф. На шкафу лежала черно-белая фотография: Илайас Грейд вместе с Килианом Грейдом. Рядом висела картина маслом, на которой, судя по всему, был изображен тот же Килиан.

Южная сторона вела в две комнаты. В памяти Илайаса всплыло, что западная комната принадлежала Килиану, а восточная — ему самому.

У северной стены, ближе к западу, находилась входная дверь и полка для обуви. С западной стороны была кухня с круглым столом и парой деревянных стульев. Глядя на них, Чжан Цзюньцэ представил, как Килиан и Илайас вместе обедают, и на душе вдруг стало тоскливо.

Затем Чжан Цзюньцэ вошел в комнату Илайаса. Внутри всё было очень аккуратно: кровать, тумбочка, книжный шкаф, а рядом — письменный стол. На стене висела его собственная фотография.

Взгляд Чжан Цзюньцэ упал на стол, где лежал дневник в переплете из кожи, пропитанной засохшей кровью. Под дневником было большое кровавое пятно. Чжан Цзюньцэ подошел к столу, взял дневник и слегка встряхнул его.

Он посмотрел на залитый кровью стол и обреченно вздохнул: Друг мой, ну ты даешь! Сам-то помер, а мне теперь за тобой убирать?

Он принес тряпку и вытер кровь со стола. Когда пятна исчезли, он заметил, что на столешнице чем-то вырезаны какие-то символы.

Это был не китайский, не английский и вообще не знакомый ему язык. Однако Чжан Цзюньцэ вдруг почувствовал, что понимает написанное. Поразмыслив, он нашел в памяти Илайаса ответ — это был сисмисский язык.

Теперь он мог прочитать надпись:

Здравствуй, Чжан Цзюньцэ. Прости, что доставил тебе столько хлопот, но, пожалуйста, прочти этот дневник.

Чжан Цзюньцэ остолбенел, тряпка выпала у него из рук. Он знал, что я приду? Как это возможно?

<http://bllate.org/book/18560/1786838>